

К НОВОМУ РАСЦВЕТУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ!

Вступил в свои права новый год великой сталинской эпохи, новый год социалистического труда. Мы идем под руководством партии Ленина — Сталина в дальнейшее наступление за полем народного хозяйства, полем металлургии и угольной промышленности, уже достигших, как известно, довоенного уровня. Мы боремся за дальнейший расцвет советского машиностроения, за овладение высшими техническими прогрессами. Мы будем строить новые заводы и жилые дома, театры и стадионы, дворцы культуры и библиотеки. Мы будем вытеснять в толщу земных недр, приумножая богатства страны. Мы поведем борьбу за урожай третьего года послевоенной пятилетки. Мы хотим, чтобы из года в год страна наша получала больше и больше хлеба, чтобы неуклонно росло благосостояние народа. Успешная работа миллионов тружеников — героев сталинской пятилетки, строителей коммунизма — вот огромная, неисчерпаемая тема нашей литературы. Не беглых зарисовок, не холодных бесстрастных заметок, но ярких, взволнованных произведений, написанных кровью сердца, ждет страна!

В годы войны и в послевоенный период вырос, окреп, возмужал наш современник, советский человек. Богаче стал его жизненный опыт, увереннее шагает он по жизни. Шире стал его кругозор. Героя нашего времени — умного, знающего, умелого человека, хозяина страны, неутомимого работника не удовлетворит легковесными книжками, беспредметной риторикой.

Дайте мне такую книгу, которая не отвлекала бы меня от жизни, а учила жить, — говорит он, обращаясь к писателю, — книгу, в которой я увижу себя таким, каков я сегодня и каким буду завтра. Книгу, в которой отразится широкая картина труда, строительства, социализма.

В книгах нового, 1948 года мы хотим увидеть новые образы героев нашего послевоенного времени: коммуниста — организатора и борца, вожака и агитатора; шахтера, возрождающего родную шахту; заводского конструктора, организующего производство; рабочего-производителя; новатора-стахановца, смело ломающего старые, отжившие нормы и представления; колхозника, который заботливо выращивает новый, невиданный урожай.

Писатель должен выйти на передовую линию всепартийного трудового фронта. Пусть он придет на стройку новых плотин и каналов, на площадки, где сооружаются дома и мартены, в цехи заводов и фабрик, пусть спустится в шахты, пусть явится к героям колхозных полей, пусть еще лучше узнает повседневный героический труд народа, руководимого партией Ленина — Сталина.

Новые великие произведения рождаются не в тиши кабинетов, не в одиночестве, а в гуще современности. Лучшие книги 1948 года напишут те писатели, которые непосредственно связаны с народом, которые живут его жизнью, его планами, мыслями, успехами, радостями.

Счастлив советский писатель, чувствующий свою неразрывную идейную связь с коммунистической, с большевистской партией. Он знает, что он не один, что он нужен народу. Страна ждет от него новых книг, горячих, правдивых, честных произведений о великом нашем времени, о народе-созидателе, который в боях и в труде под испытанным и непобедимым знаменем Ждирца — Сталина идет к новому расцвету нашей социалистической Родины.

Из века в век, как бы труд в прежнее время, каким он описан во многих произведениях литературы и отражен в десятках полотен лучших художников прошлого, в советской стране труд стал радостью, делом чести и славы.

В нынешнем, третьем году пятилетки мы будем отмечать столетие рождения вдохновенной «песни песен марксизма» — «Болшевистского манифеста», будем отмечать его в труде, направленном к дальнейшему укреплению социалистического отечества, созданного Лениным и Сталиным.

Многие коммунисты вдохновляют и воодушевляют сотни миллионов людей — в советской стране и за ее пределами.

Изменилось отношение к труду. Наш советский рабочий, как небо от земли, отличается от того забитого и бесправного раба, который ранее надвигался на фабриках и заводах литовских и немецких капиталистов. Патристический климат Ленинграда: «Пятилетка — в 4 года!» — наша могучая отливка и сердца литовских рабочих. Мы можем назвать тогари каунасского металлургического завода Тарнаускас, строителя Вишнарвиски, ткачих Норке, Обламытис, обувщиков, основателей метода Матросова, — Рачкаускас и Павочку, которые перевыполнили в 2—3 раза годовые нормы. Необычайно привлекает духовный облик этих новаторов производства. Мы считаем героев нашей действительности, проникнуты мотивами их поступков, их переживаниями, обновляющими все существо чувств.

О современных рабочих писателю И. Калпис. Рассказы И. Валушаса показывают правдивость и верность ситуаций. Но рабочая тематика в творчестве этих писателей занимает слишком незначительное место. Хотелось бы, чтобы кроме рассказов эти писатели перешли к более широким картинам рабочей жизни, овладели жанром большой повести, многогранного романа.

Два-три рассказа молодого писателя И. Домайтиса похожи скорее на очерки. Домайтиса горлопанически переживает события, ограничиваясь портретной зарисовкой, он не владеет еще по-настоящему умением раскрыть психологию действующих лиц — это снижает художественную и познавательную ценность его произведений.

Героические усилия рабочего класса, создающего новое коммунистическое общество, достойны того, чтобы запечатлеть их в высокохудожественных романах и повестях. Такова основная задача, над которой, не покладая рук, должны работать литовские писатели.

А. ВЕНЦЛОВА.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ О К. С. СТАНИСЛАВСКОМ

В издательстве Всесоюзного театрального общества выйдет в ближайшее время большой (свыше 40 печатных листов) сборник воспоминаний о К. С. Станиславском. В сборнике помещены воспоминания о К. С. Станиславском его сестры, братья, жены, артистов О. Книппер-Чеховой, Л. Леонидова, С. Глаголюкова, С. Бирман.

УНИВЕРСИТЕТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Президиум ЦК профсоюза работников искусства принял решение об организации трехмесячной культурно-художественного обучения личного состава вооруженных сил СССР в ознаменование 30-летия Советской Армии.

В период с января по март 160 тысяч работников искусства примут участие в спектаклях, творческих отчетах, литературно-музыкальных вечерах, лекциях, докладах, беседах в воинских частях гарнизона. Каждый театр устроит для

ветской стране и за ее рубежами, вдохновляют на жизнь, на труд, на борьбу, на высокое идейное творчество. «Неиздачу считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом» (В. Молотов).

Жизнь и работа миллионов тружеников — героев сталинской пятилетки, строителей коммунизма — вот огромная, неисчерпаемая тема нашей литературы. Не беглых зарисовок, не холодных бесстрастных заметок, но ярких, взволнованных произведений, написанных кровью сердца, ждет страна!

В годы войны и в послевоенный период вырос, окреп, возмужал наш современник, советский человек. Богаче стал его жизненный опыт, увереннее шагает он по жизни. Шире стал его кругозор.

Героя нашего времени — умного, знающего, умелого человека, хозяина страны, неутомимого работника не удовлетворит легковесными книжками, беспредметной риторикой.

Дайте мне такую книгу, которая не отвлекала бы меня от жизни, а учила жить, — говорит он, обращаясь к писателю, — книгу, в которой я увижу себя таким, каков я сегодня и каким буду завтра. Книгу, в которой отразится широкая картина труда, строительства, социализма.

В книгах нового, 1948 года мы хотим увидеть новые образы героев нашего послевоенного времени: коммуниста — организатора и борца, вожака и агитатора; шахтера, возрождающего родную шахту; заводского конструктора, организующего производство; рабочего-производителя; новатора-стахановца, смело ломающего старые, отжившие нормы и представления; колхозника, который заботливо выращивает новый, невиданный урожай.

Писатель должен выйти на передовую линию всепартийного трудового фронта. Пусть он придет на стройку новых плотин и каналов, на площадки, где сооружаются дома и мартены, в цехи заводов и фабрик, пусть спустится в шахты, пусть явится к героям колхозных полей, пусть еще лучше узнает повседневный героический труд народа, руководимого партией Ленина — Сталина.

Новые великие произведения рождаются не в тиши кабинетов, не в одиночестве, а в гуще современности. Лучшие книги 1948 года напишут те писатели, которые непосредственно связаны с народом, которые живут его жизнью, его планами, мыслями, успехами, радостями.

Счастлив советский писатель, чувствующий свою неразрывную идейную связь с коммунистической, с большевистской партией. Он знает, что он не один, что он нужен народу. Страна ждет от него новых книг, горячих, правдивых, честных произведений о великом нашем времени, о народе-созидателе, который в боях и в труде под испытанным и непобедимым знаменем Ждирца — Сталина идет к новому расцвету нашей социалистической Родины.

Из века в век, как бы труд в прежнее время, каким он описан во многих произведениях литературы и отражен в десятках полотен лучших художников прошлого, в советской стране труд стал радостью, делом чести и славы.

В нынешнем, третьем году пятилетки мы будем отмечать столетие рождения вдохновенной «песни песен марксизма» — «Болшевистского манифеста», будем отмечать его в труде, направленном к дальнейшему укреплению социалистического отечества, созданного Лениным и Сталиным.

Многие коммунисты вдохновляют и воодушевляют сотни миллионов людей — в советской стране и за ее пределами.

Изменилось отношение к труду. Наш советский рабочий, как небо от земли, отличается от того забитого и бесправного раба, который ранее надвигался на фабриках и заводах литовских и немецких капиталистов. Патристический климат Ленинграда: «Пятилетка — в 4 года!» — наша могучая отливка и сердца литовских рабочих. Мы можем назвать тогари каунасского металлургического завода Тарнаускас, строителя Вишнарвиски, ткачих Норке, Обламытис, обувщиков, основателей метода Матросова, — Рачкаускас и Павочку, которые перевыполнили в 2—3 раза годовые нормы. Необычайно привлекает духовный облик этих новаторов производства. Мы считаем героев нашей действительности, проникнуты мотивами их поступков, их переживаниями, обновляющими все существо чувств.

О современных рабочих писателю И. Калпис. Рассказы И. Валушаса показывают правдивость и верность ситуаций. Но рабочая тематика в творчестве этих писателей занимает слишком незначительное место. Хотелось бы, чтобы кроме рассказов эти писатели перешли к более широким картинам рабочей жизни, овладели жанром большой повести, многогранного романа.

Два-три рассказа молодого писателя И. Домайтиса похожи скорее на очерки. Домайтиса горлопанически переживает события, ограничиваясь портретной зарисовкой, он не владеет еще по-настоящему умением раскрыть психологию действующих лиц — это снижает художественную и познавательную ценность его произведений.

Героические усилия рабочего класса, создающего новое коммунистическое общество, достойны того, чтобы запечатлеть их в высокохудожественных романах и повестях. Такова основная задача, над которой, не покладая рук, должны работать литовские писатели.

А. ВЕНЦЛОВА.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ О К. С. СТАНИСЛАВСКОМ

В издательстве Всесоюзного театрального общества выйдет в ближайшее время большой (свыше 40 печатных листов) сборник воспоминаний о К. С. Станиславском. В сборнике помещены воспоминания о К. С. Станиславском его сестры, братья, жены, артистов О. Книппер-Чеховой, Л. Леонидова, С. Глаголюкова, С. Бирман.

УНИВЕРСИТЕТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Президиум ЦК профсоюза работников искусства принял решение об организации трехмесячной культурно-художественного обучения личного состава вооруженных сил СССР в ознаменование 30-летия Советской Армии.

В период с января по март 160 тысяч работников искусства примут участие в спектаклях, творческих отчетах, литературно-музыкальных вечерах, лекциях, докладах, беседах в воинских частях гарнизона. Каждый театр устроит для

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОПОРКА ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 1 (2384) С-162754 Суббота, 3 января 1948 г. Цена 40 коп.

ВОИНСТВУЮЩИЕ КНИГИ

В первый день войны, 22 июня 1941 года, возле Львовского почтамта от разбойничьей фашистской авиации погибла выдающийся украинский писатель: Степан Тудор и Александр Гаврилюк. Погибли... Разве они погибли? Сейчас эти книги вышли в львовском издательстве «Вільна Україна».

Я назвал бы эти книги товарищами, книгами-друзьями, братьями по оружию. Они живы, они воюют.

«День отца Сойки» — так называется роман Степана Тудора. Эта книга, бесспорно, является одним из самых оригинальных и действенных произведений украинской литературы последних лет. Если бы мы не знали, что она написана еще до войны, можно было бы подумать, что она родилась сегодня, явившись страстным откликом писателя-бойца на волнующие всех нас вопросы современности. Самым своим остротой, всей своей художественной силой книга направлена против темных питрий международной реакции, пытающейся встать на пути человеческого прогресса.

Герой повести Михаил Сойка — выростивший, воспитанный и убежденный оруженосец Ватикана. Шаг за шагом, с добросовестностью истинного художника, автор последует Союзу жизни. Молодой талант Сойки, потомок кулаков-контрабандистов, попадает из Западной Украины в питейный казино — Рим. Здесь он прохитит ту питейную науку, коварства и небулизма, о которой подполковник которой массы простых верующих не имеют ни малейшего представления. Ночная в огромных библиотеках Ватикана историю католической церкви, в частности — историю «святой инквизиции». Сойка, в конце концов, становится убежденным атеистом. Но это — для себя. А для других он, собственник, хитрец, продолжает быть рыцарем заповестей этой самой многовековой католической церкви. Иначе нельзя. Ведь на обмане зиждется все его материальное благополучие. Мало того, Сойка, клерикал, все еще принимает за изучение научного социализма: он видит силу этого учения и понимает опасность его для себя и своего класса. Основательное познание социализма — первое и необходимое усло-

вие для борьбы с ним — такова программа Сойки, студировавшего в Ватикане Маркса и Ленина.

Сойка не один. Его окружают такие же ученые святости, проникнутые смертельной ненавистью к трудящимся. На папском престоле восседает папа и атеист. Его занимают, собственно, не дела церкви, его прежде всего беспокоит судьба международного империализма. От подложки папского престола расходятся по всему миру нити грандиозного заговора против страны социализма, здесь рождается идея «крестового похода» против СССР, идея так называемой «католической акции», провозглашенной Ватиканом в 1922 году. С большой убедительностью и неотразимой правдой аксрирует Степан Тудор тайные пружины, установившие Ватиканом. Выполнение социальных заказов международного империализма, продуманная до тонкости борьба против распространения греди народов идей коммунизма — вот истинная цель широкого заговора мракобесов-аггессоров, одетых в сутаны.

Сойка достаточно умен, чтобы понять свою ограниченность. Он сознается в своей среде, что «наш мир в самом деле идет к гибели, никто из нас, к тому призван, не имеет ни силы, ни способа, чтобы вернуть мир на иной путь...» Он не закрывает глаз на то, что существует между нас, — не между нас, дословно говоря, а против нас, — такое общественное направление, большое и молодое, — то есть коммунизм. Но, осознавая это, он с тем большей яростью бросается в свои предсмертные авантюры. «Пусть погибнет мир, только бы не было коммунизма!» — вот их злобный девиз, созвучный воплям современных «атомщиков».

Книга Степана Тудора сильна своим убедительным сатирическим огнем, направленным на разоблачение звериного существа международной реакции, сызлава объективизмом корей ее темных замыслов.

«День отца Сойки» как бы дополняется и продолжает другим волнующим произведением — повестью «Берега» Александра Гаврилюка.

Автор ее — писатель-коммунист, один из отважных борцов против фашистского

режима подсудины. За 29 лет жизни он десять раз сидел в фашистских польских тюрьмах и концлагерях. Жизнь одного из таких лагерей, Березы Каргуской, изображена в повести.

Гаврилюк вводит читателя в фашистский ад. Заключенные здесь заняты тем, что переносат целыми днями с места на место плиты бетона. Роят ямы и, вырыл, снова засыпают их землей. Бессмысленный труд, жесточайшие пытки, дикая гимнастика, пока кровь хлынет горлом... Но не только позорением кошмаров концлагерной жизни глубоко волнует читателя эта книга. Непосредственная сила повести в том, что автор показывает, как люди, озаренные великой идеей, становятся непобедимыми. Никакие пытки, мучения не в состоянии сломить дух сознательных революционеров. На дне фашистского ада, в самой же Березе, действует подпольная организация коммунистов. Она ведет мужественную борьбу против чудовищной машины концлагеря, прообраза будущей Освенцимы.

Кончается книга стихами писателя, которые были приняты заключенными революционерами, как свои задушевные покорные песни. Своей мажорной жизнеутверждающей силой они перекликаются с илланскими возгласами Фучика, звучат героическим гимном коммунизму, поют высокую цель нового человечества. Эти песни вдохновенного мужества, песни неслыханной воли прогрессивного человека звучат вызовом всем Союзам, всей темной злобствующей своре мракобесов и реакционеров, которые пытаются остановить колесо истории.

Благородное дело выполнил писатель Петро Бозаянок, который подготовил к печати эти произведения своих погибших товарищей. Рукопись романа Тудора во время гитлеровской оккупации Львова была в руках полиции, в новой Березе Каргуской; в том единственном оригинале, который удалось спасти, не хватает сейчас многих страниц. Но как раленные в атаке воины, эти книги снова стали в строй и честно сражаются рядом с нами против темных сил мировой реакции.

Олег ГОНЧАР.

Дадим стране больше бумаги

1. ПЛИТКИ И КОТЛЫ

Огромные котлы, в которых варятся целлюлоза, обмурованы плитками, выработанными на Шекинском керамическом заводе Министерства строительных материалов СССР.

Качество плиток — отвратительное. До войны плитки хорошего качества поступали с Боровичского завода.

Мы просим министра строительных материалов СССР тов. Гинзбурга обязать, наконец, Шекинский завод выпускать доброкачественные плитки. Если же заводу это не по силам, то не пора ли передать заказ Балахнинского бумажного комбината снова Боровичскому заводу?

2. ГРЯЗЬ НА СЕТКАХ

Краснокамский завод Министерства целлюлозной и бумажной промышленности поставил сетки всем бумажным комбинатам страны. Выпускаемые сетки залиты битумом; мастерам и сотничкам Балахны приходится тратить много времени и сил на очистку. Плиты остаются, и это сказывается на качестве бумаги, вызывает обрывы полотна.

Не пора ли Краснокамскому заводу ликвидировать небрежность?

3. ЗАВОД «КАУЧУК» УХУЩАЕТ КАЧЕСТВО БУМАГИ

Московский завод «Каучук» — единственное предприятие в стране, которое покрывает резной важную деталь бумагоделательных машин — прижимные валки. От валков зависит плотность и влажность бумаги.

Однако завод «Каучук» позорит свою фабричную марку. Промышловый заказ Балахнинского бумкомбината больше года, завод прислал, наконец, валки, но валки пришлось немедленно вернуть — резина от него отстала.

Машина № 1 второй год работает без валки и дает много брака.

4. БОЛЬШИЕ ПРОСТОИ

Ленинградская хлопчатобумажная фабрика «Ивета» снабжает Балахнинский бумажный комбинат недоброкачественными канатками шпена. Канатки сплетены неровно, они местами толще, местами тоньше, часто рвутся. Процесс замены их вызывает многочасовые простои.

Мы просим бригаду писателей, работающую в Ленинграде, принять меры к улучшению качества продукции фабрики «Ивета».

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты» А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, А. КРОНГАУЗ, М. ЛУКОНИН, С. СМЕРНОВ, М. АМШИНСКИЙ.

ПРАВДИНКА, Горьковской области.

Романтика возрождения

Обеженность белорусской поэзии в том, что по своему направлению и звучанию она очень близка к поэзии народной. Это не имитация народности, а глубокая, естественная творческая близость.

Переводчик с белорусского языка и занимался давно и с большой любовью. В последние пятьдесят тысяч строк довелось мне перевести из книг белорусских поэтов — переводил Янку Купалу, Якуба Коласа, многих других. В последнее время меня особенно привлекает большое и самобытное дарование Аркадия Кузнецова.

Когда переводчишь стихи белорусских поэтов, всегда ошущаешь, как свежо они восприимчивы к жизни, как ярко видят действительность, как своеобразно подходят к теме.

Последние два года белорусская литература уделяет большое внимание темам послевоенной жизни. Стихи о восстановлении родной республики занимают огромное место в творчестве белорусов. Да и может ли быть иначе!

Миллион хотел превратить Белоруссию в «зону пустыни», разорить и опустошить ее до тла. Но белорусы неутомимо восстанавливают свою опаленную землю. Строят села — краше былых, поднимают из руин древние города, возводят новые городские архитектурные ансамбли, возрождают заводы и фабрики.

Миллион воссоздал тысячу белорусских крестьян переселившихся осенью этого года из землянок в новые дома.

Не может советский поэт не писать о том, как сожженные деревни вырастают заново, как вчерашние войны захватывают и засевают поля, где шли неслыханные сра-

жения, как пахивают работать восстановленные заводы и фабрики.

Радость освобождения, счастье создания звучат в новых песнях и стихах белорусов. О восстановлении республики пишет и Петрусь Бровка в поэме «Ясный Бут».

Мне кажется очень удачным и типичным для этой настроения стихотворение Аркадия Кузнецова «Новый дом»:

Некогда дом красовался
На месте этом.
После бомбежки стоять он остался
Скелетом.

Мимо промчался с громом,
Прошли непогоды.
Стать он надеется домом,
Как в прошлые годы.

Пусть еще в окнах — не стекла,
А небо одно голубеет,
Люди, идущие околом,
Видят, как он молодеет.

Ступень восстановления, которую отражает это стихотворение, уже пройдена белорусским народом. Большой белорусский дом растет с каждым днем и становится все краше, крепче и богаче, чем был до войны.

Под знаком жизнеутверждающей романтики, которая не только оттеняет, но и углубляет общее реалистическое звучание белорусской поэзии, прошел 1947 год. С большим творческим подъемом вступают белорусские поэты в новый, 1948 год, который должен стать годом новых литературных побед!

М. ИСАКОВСКИЙ.

Американские врачи экспериментируют на людях

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Научный экспериментатор, да и вообще просто культурный человек никогда не доходит до мысли воспользоваться человеком, как подопытным лабораторным животным. Только изуверский фашизм, совершенно лишенный чувства человечности, применял массовое использование военнопленных, политических заключенных, беззащитных женщин и детей для преступных «экспериментов».

Опыты на людях запрещены во всем цивилизованном мире. Если исследователь, желая окончательно убедиться в положительных качествах того или другого лечебного средства, считает необходимым проверить его действие на человеке, то этот окончательный эксперимент он проводит на самом себе. Но даже в таких случаях требуется соблюдать ряд формальностей, которые должны доказать необходимость опыта. Вот почему вызывает удивление и негодование сообщение американской медицинской печати о том, что в США применяются осужденные всем миром фашистские методы экспериментирования на людях.

В № 7, том 132, «Джорнел оф американ медикл асоциейшн» на 362-й странице рассказывается об опытах правивших диссентри тах называемых «добровольцами», осуществленных в тюрьме штата Иллинойс.

Я не знаю, можно ли это преступление — провоцирование определенной болезни на десятках заключенных — подвести под юрисдикцию соответствующего международного трибунала или же, подобно многим другим преступлениям против прав человека в буржуазных странах, они находятся под покровительством хваленых «западной демократии». Но я думаю, что использование 122 заключенных в качестве подопытных морских свинок (хотя их и называли «добровольцами») является прямым продолжением практики немецкого фашизма.

Я хочу через Вашу газету выразить свое возмущение по поводу подобных «экспериментов» американских врачей.

Профессор Х. Х. ПАНЕЛЬС
Институт психиатрии, психологии и инфекционных болезней Академии медицинских наук СССР,
МОСКВА.

Кто же занимается радиофикацией села?

Прошло три года после освобождения Винницкой области от немецких захватчиков.

За эти три года в селах нашей области построено 67 радиоузлов. Принадлежат они колхозам, совхозам, МТС и сахарным заводам.

Каждая постройка нового радиоузла — большая радость в селе. Но часто эта радость бывает очень короткой. Два-три месяца и... радиоузел выходит из строя. Сейчас в нашей области не работают 15 радиоузлов. Нет ламп, нет конденсаторов, нет трансформаторов и т. д. На радиоузле села Миронова Ямпольского района горел конденсатор. Чтобы купить новый конденсатор, радиотехник — села вынужден был ехать за 300 км. в Киев. В Виннице конденсаторов в продаже нет. Не работает узел и в селе Чернятин Жеринского района. Нет ламп.

Где же могут купить эти запасные части представители местных сельских радиоузлов, где могут купить их, представители Винницкого областного радиокомитета?

В областном управлении Министерства связи мне говорят: «Мы снабжаем только свои радиоузлы, т. е. радиоузлы областных и районных городов».

Сельские же радиоузлы занимается Министерство сельского хозяйства, которое создало множество контор, приваженных заниматься сельскими радиоузлами. Это разделение вносит бесконечную путаницу и вредно отражается на всей работе областных радиокомитетов.

Радиофикация села — очень важное дело, поэтому, мне кажется, нужно создать единую организацию, которая осуществляла бы техническое руководство сельской радиофикацией. Созданием такой организации должен заняться Всесоюзный радиокомитет.

Н. ГНЕННИЙ,
председатель Винницкого областного радиокомитета.

Курсы по повышению квалификации технических журналистов

Рис. Ю. ГАНДА.

В № 66 «Литературной газеты» помещены две статьи о новом романе Веры Пановой «Кружники» — одна, более важная и мыслящая, принадлежит перу А. Иванова, другая, более резкая и откровенная, — В. Гоффеншера. Мне глубоко убежденно, что обе эти статьи, по внешней видимости различные, страдают одним и тем же пороком. Авторы их не увидели главного, принципиально нового, что заключено в произведении В. Пановой.

Главный герой романа «Кружники» — Листопад, директор, генерал и производственный. Панова сумела нарисовать образ, который облик этого большого человека. Темпераментный, порывистый, резкий Листопад умеет беззаветно работать, когда этого требуют интересы родины. Он весь — в кипении дела, в созидательном порыве, в новаторских исканиях и дерзавших. Его завод блестяще выполняет и перевыполняет программу, давая родной своей армии тысячи тонн смертоносного металла. В дни мира завод, под руководством Листопада, на полном ходу перестраивает свою работу, нацеливая производящую обычную хозяйственную продукцию. Сила образа Листопада в том, что писательница сумела и увлекательно и увещательно раскрыть источник его неутомимой энергии.

В конце романа во вдохновенной тишине раскрывается существо Листопада как деятеля и организатора нового, коммунистического типа. Для него нет разрыва между личным и общественным. Любовь в свою задачу, любовь к труду и любовь к Родине переплетаются у него органически и естественно.

Листопад отнюдь не прост. Это сложный образ. В. Панова не боится показать в нем противоречия, остроты углов характера и темперамента. В увлечении работой Листопад не замечает тревог и сомнений своей первой жены Клавии. Он прошел мимо Клавии, правда, любя ее по-своему, неслыханно эгоистично. Она умерла во время родов. Листопад так и не узнал, чем жила ее большая, красивая душа. И упрек, который Панова здесь делает своему герою, не сбит и не забыт читателем. Читатель видит также, что в своих придирах и Удзичкину Листопад часто перегибает палку. И все равно, образ Листопада остается обязательным и цельным. Уж очень много и душевного напряжения, и энергии Листопада, который с таким талантом и блеском ведет свое огромное и сложное заводское хозяйство, знает, как необходимы советской стране его опыт, его дар организатора, его воля большевика.

Интересен образ старого беспартийного инженера, главного конструктора завода — Владимира Ипполитовича. Этот властный и сухой старик вначале кажется повторением некоторых типов из среды старой технической интеллигенции. Но нет, это — образ, характерный уже для новой эпохи. Владимир Ипполитович — советский патриот. Вспомните, с каким гневом он говорит о немцах, с каким неподдельным восторгом он слушает победные сводки Совинформбюро.

Но в образе этого сурового человека новые общественные качества советского

патриота находят в противоречии со старыми привычками. В общении со своими подчиненными Владимир Ипполитович — «хозяин». Он не терпит возражений. Он стоит как бы над людьми, поведенная им с высоты своего инженерского величия. Все это Панова изображает резко, правильно — и тем убедительнее ее повесть для читателей, которые, вопреки недостаткам Владимира Ипполитовича, несомненно увидят и полюбит в нем человека, перевоспитанного новым обществом, отдавшего ему все свои силы. Он работает, не жалея себя. Но он стар. Он хочет на покой. И когда кончается война, старик, несмотря на все уговоры Листопада, который его очень ценит, уходит с завода. Вместе с беспредельно преданной ему женой Маргаритой Валерьевной он уезжает на юг. Здесь он хочет завершить свою жизнь. Счастие свое Владимир Ипполитович отдал от жизни заводу, от всего того, чем жила долгая жизнь. В этом самодурстве от дел сказались старые интеллигентские завышения. Но Панова показала, как новая жизнь властно определяет внутренний душевный мир ее героев. Владимир Ипполитович, в конце концов, не смог остаться вне своего рабочего коллектива, вне той маленькой армии конструкторов и чертежников, которые так уважали и почитали своего старого начальника. В зимнюю ночь Владимир Ипполитович возвращается на родную Кружники. Здесь, видно, работать ему и трудиться во славу родины до скончания дней жизни!

Особенность «Кружники» в том, что идея морально-политического единства народа воплощена в романе на материале индустриального труда, описанного автором. Труд для героев Пановой равен творчеству, это — сила, облагораживающая и поднимающая их над уровнем общности.

Ее отращивание вызывают те, кто не находят в труде, в создании своего главного счастья. С иронией рисует Панова отрицательные черты в Удзичкине, профессором работнике старого типа. Удзичкин заведует нудную школу с Листопадом, так как ему кажется, что Листопад игнорирует права профессора. Удзичкин и лично самодуризм. И вот этот честный человек, преданный своему строю, не замечает сам себя начинает погружаться в тину бытовальщины. Живое дело и живые нужды рабочих заслонены для Удзичкина мелкой борьбой с «самовластными» директорами.

Умно и верно Панова показала, как партия, ее работники (секретари горкома Макаров и партгор Рабухин) заставляют сильного Листопада найти рабочий контакт со слабым Удзичкиным. И хотя все сочувствие читателей и Пановой — на стороне Листопада, она мудро находит узаконное место в этом большом и талантливым человеке.

«Вы знаете, — сказал Макаров, — из что сейчас пойдут все силы народа. И если ваша новая эра начинается с недоразумений между дирекцией и профессором, то это плохо начало. Вы сомневаетесь на разницу вкусов и склонностей, — не знаю.

Не знаю. Не могу войти в такие тонкости. Но объективно это выглядит так, что вы не переносите самокритики и иногда терпите принципиальность».

Листопад поддается партийной дисциплине, хотя ему и трудно это сделать. Тактика, убедительно Панова показывает неровность большого характера Листопада, его срывы, его ошибки, в которых он подчас не хочет признаваться и самому себе.

Роман В. Пановой проникнут духом самокритики, высокой моральной требовательности автора к своим героям.

В. Панова видит недостатки своих героев, видит, но не прощает, потому что любит этих людей горячо и страстно. Но не идеальная любовь не переходит в суровость и сдвиг.

Удивительно точными штрихами рисует В. Панова старого рабочего Велеснева и его семью. Это честные трудовые люди, настоящие упрямцы и сталовые производственные, претящие и-прямые души. Но это не мешает Пановой видеть, например, ограниченность старика Велеснева, который не может, не в силах простить горю и замкнутой Нонне то, что она не ответила запиской на любовь его сына, талантливого художника Андрея, погибшего на войне.

Панова видит и другие: есть маленькие и большие люди, люди скромных судеб и люди большого таланта. Есть такие, как Марийка — веселая, разбитая, работящая, но без глубокого отношения к жизни. Есть и такие, как старуха — мать Листопада, простая украинская крестьянка, сумевшая сама определить свою судьбу в жизни.

Горный вынужден перед писательницей советской страны грандиозную историческую задачу: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого профессорами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в своем очерке, делающего труд более легким, продуктивным, возводя его на ступень искусства. Мы должны научиться понимать труд, как творчество».

«Трудовое творчество — это творчество, — вот что по мысли Горького является главной темой советских писателей».

Мне думается, что Вера Панова в «Кружники» вплотную подошла к решению именно этой задачи. В центре романа Пановой образы людей труда — сталовиков Лиды, почти девочки, выросшей в тяжкую годину войны в замечательную работницу; организатора и руководителя завода Листопада; рядового рабочего, демобилизованного солдата Лукашина; конструктора Нонны, молодого ремесленника Толи; главного конструктора Владимира Ипполитовича, машиниста-отенергистки Анны Ивановны, старика Велеснева, Настасья, ее мужа Алексея. Все эти люди обобщают то, что может быть названо морально-политическим единством советского общества.

Самое тяжелое обвинение, которое выдвинул гг. Иван и Гоффеншер, против «Кружники», — это то, что писательница, дескать, равнодушна к своим героям, что она пишет о них, «добро и зло вымывая равноту». А. Иван это сформулировал

так: «почему же так безжалостно Панова к своим героям... почему она так добра к людям добрым». В. Гоффеншер выразился категоричнее и ярче: «Двуличие, двойственность автор приложил усилий к тому, чтобы не проявить к нему (Листопаду) — А. И. — собственной любви».

Эти обвинения были нелепы. В. Панова — автор, близкий к человеческому методу изображения человека. Она не высказывает своего отношения к тем или иным своим персонажам, а дает понять это читателю полноводным течением романа. И читатель понимает, что таких, например, героев, как «сдвиг» Мирзоев или фразер Грушевой, В. Панова не любит. В. Панова любит многих своих героев, любит, твердо зная, за что, она позволяет себе быть по отношению к ним выше «примитивности» и беспристрастности добродетельности. Именно отсюда — те ноты остроты критики, которые вылились и на долю Листопада, и на долю других безусловно положительных героев романа. Любить — это значит и требовать, любить — это значит и критиковать. Именно так, снисходительно ведет свой роман В. Панова. А безразличия критики, привычки к однолинейным схемам, которые, увы, так часто преследуют нас писатели, готовы прийти в отчаяние от того, что не умеет Пановой так чинно и добродетельно, как в иных романах писателей, ошибочно именующихся писателями.

А. Иван имеет конфликт в романе Пановой. Но странным образом он видит их не там, где они на самом деле существуют. Он, например, приписывает Пановой мысль о том, что «нужно много страдать прежде, чем лично счастье застает в руки». При этом критик ссылается на слова Нонны о том, что в совместной жизни с Листопадом ей придется «поступиться кое-чем своим». Но почему же называть это несчастьем? Почему желание Нонны считается с творческим горением Листопада должно быть понято как несчастье молодой женщины? Ведь она идет на это сознательно и без всякого отчаяния «жертвы». А делать из Листопада перегруженного работой сухаря, «сдоба» (так называет его тов. Гоффеншер), на мой взгляд — просто незоразумение. Ну, что общего с роботом имеет этот влюбленный в жизнь и труд человек, такой солнечный, такой красивый и обязательный?

Грустно за гг. Ивана и Гоффеншера, которые так смело прошли мимо самого интересного и самого значительного, что есть в романе Пановой, — ее восхищения трудом, творчеством, созиданием. А именно в этом и состоит значение «Кружники», талантливого произведения, говорящего о том, какие новые большие перспективы творческого роста раскрываются перед Пановой.

Пусть любители выискивать недостатки ищут и, может быть, найдут их в «Кружники». Задача настоящей статьи другая — утвердить то положительное, глубоко органическое для советской литературы начало, которое так самобытно раскрывается перед нами в новом талантливым романе Веры Пановой.

Советские текстологи проделали большую работу по изданию сочинений Ф. М. Достоевского. Именно в наше время появилось лучшее в текстологическом отношении собрание художественных произведений писателя, выпущенных его писем, записных книжек и т. п. Но от изданий сочинений Достоевского, в особенности высших, мы вправе требовать не только высокого уровня текстологической работы, но и критического освещения наследия великого писателя, правдивого, научного истолкования его творчества. К сожалению, последние издания произведений Достоевского совершенно не отвечают этому требованию.

Перед нами вышедший в конце 1947 года в Госиздате одноименный сочинений Достоевского. Предисловия в этой книге нет, в ней имеется лишь краткое примечание Б. В. Томашевского. Написаны эти примечания в духе того претенциозного и, к счастью, уже отживающего академического обихода, при котором автор не только боится современности, но даже по отношению к идейной борьбе прошлого остерегается высказать свою точку зрения.

Так, например, рассказывая о спорах в печати 60-х годов вокруг образа Раскольникова, Б. В. Томашевский ухитряется изложить таким образом, что никто не в состоянии понять — прав ли был в этой проблеме Писарев, решительно и с полным основанием отрицавший связь «философии» Раскольникова с передовыми идейными течениями эпохи, или Страхов, объявлявший Раскольникова типичным представителем революционной интеллигенции. Точка зрения самого комментатора при этом совершенно не известна.

Мало того, Б. В. Томашевский даже боится определить место участника этой проблемы в идейной жизни эпохи. По его словам «...против Писарева выступили критики другого лагеря (какого же? — Н. Б.), доказывавшие близость Раскольникова и Базарова (например, Н. Страхов)». А насколько раньше Б. В. Томашевский указывает, что «в Раскольникова увлек (кто же именно? — Н. Б.) крайнее, доведенное до предела, проявление «нигилистических» идей». Томашевский не выступает против реакционной клеветы на революционно-демократов 60-х годов, допуская, по видимому, то, что Раскольников мог быть типичным для революционных разночинцев. Говоря о требованиях переработки романа, которые Катков предъявил Достоевскому, комментатор ухитряется обить идею о сущности этого давления, оказанного на Достоевского волею монархической реакции. Мотивом требований Каткова было, по словам Томашевского, «нарушение правил нравственности» и «следы нигилизма».

Ф. М. Достоевский. Избранные сочинения. Редакция текста и примечания Б. В. Томашевского. Госиздат, 1947.
Ф. М. Достоевский. «Мальчики» из романа «Братья Карамазовы». Редакция текста и примечания А. С. Слонимского. Библиотечка школьника. Детгиз, 1947.

И. РАХАНОВ

В мир, открытый настежь...

Семь лет тому назад Лев Кассиль написал книгу «Великое противостояние». Это была повесть об удивительной судьбе обыкновенной московской школьницы, которая выпало счастье участвовать в сценках большого исторического фильма «Мужик сердитый», посвященного Отечественной войне 1812 года.

Девочка Сима Крупицына на первый взгляд не обладала никакими актерскими данными. После окончания съемок она должна вернуться в школу, к привычным занятиям, к друзьям и подругам по классу.

Это не так просто. Девочка побоялась в обществе талантливого артиста Рашепина, видела его во время творческой работы — и ей трудно снова возвратиться к обычной жизни, к своему повседневному труду школьницы.

Но Сима Крупицына нашла радость и удовлетворение в своих прежних занятиях: тихий детский мир, свойственный ее возрасту, заменил ей грохот, но не принадлежавший ей, случайно выпавшую на ее долю славу актрисы.

Так разрешался конфликт повести, который носил, по существу, камерный, личный характер. Большая жизнь еще не входила органически в произведение.

Должны были произойти большие события, чтобы писатель, вновь вернувшись к своей героине, получил возможность озаглавить вторую книгу повести широким и общезначимым названием: «Свет Москвы».

Сима выросла. Она учится уже в последних классах школы. Она вожатая, воспитатель молодого поколения. Начинается война, на Москву наступают немцы. Мы видим, что первые во времени между двумя частями повести прошел не зря, что, пользуясь словами Рашепина, и героиня, и сам автор стали «более зрелыми, обогащенными, все более близкими к истине».

«Нет, он не безлобен, мой большой герой. Он на углу там зашевелился две темные тени, и на мгновение аспирину прикрытая сверху ладонью спичка и стражик в плоском лезвии штыка. А на перекрестке мерно покачивает фигура в плаще-палатке. И под полкой ее зажегся огонь свет. Проехала через улицу грузовая машина с полуприцепными среневыми фарами».

И постепенно огромная теплая радость разливается по всему моему существу. Москва! Я выхожу сухой, холодный, легкий, возмущенный, пахнущий бензином, слегка отяжелевший гарью сна. — где-то, должно быть, затопили печь. Нет, ты живая, моя Москва! Дышишь и дышишь, ты только притаялась. И вот я еду по Москве. Мне хочется закрыть во все горло, чтобы зная о моем возвращении. И желание это так велико, что я тихонечко шепчу про себя: «Ура... Я еду по Москве... Здравствуй, Москва! Это я! Ура!»

Подобного тона не было в первой части. Его возмолвляло — результат того, что в книгу ворвался ветер больших исторических событий.

И маленькая московская школьница оказалась в центре этих событий. Она становится участницей великой войны не на экране, а в жизни.

Во время воздушных тревог Сима вместе со своими пионерами дежурит на крыше, гасит зажигательные бомбы. Она выступает перед бойцами, уезжающими на фронт, рассказывает им о героях Отечественной войны 1812 года, о Кутузове, об Уте-партиняне — эту роль она исполняет в кинофильме перед войной.

Писатель прислушался к требованиям жизни, к письмам читателей, желавших знать конец незавершенной истории. А между тем, по началу она казалась и сама автору и его критикам, вполне законченной. Но дети, которые никогда не удовлетворялись формальным концом, сами подсказали писателю такое окончание повести, которое подняло ее до больших высот и расширяло тему, сделало истинной в том прекрасном смысле, в каком произносит это слово талантливый Рашепин.

Теперь уже ясно, что первая часть — только начало, из которого вырастает значительное произведение, и чем дальше идут эти страницы, тем искреннее, правдивее, истиннее становится оно.

Л. Кассиль отвечает на самые животрепещущие потребности юных читателей. Его герои ведут себя так, как стали бы в подобных обстоятельствах вести себя сами читатели. И то, что читатель в героях книги узнает самого себя, лишь усиливает его интерес к произведению.

Даже во второй, лучшей части повести есть, однако, досадные срывы. О них надо сказать именно потому, что речь идет об удаче писателя, об очень хорошей книге. Все сцены с немцами кажутся нам ниже, много ниже повести. Без них не только можно было, но и следовало обойтись. Ничего нового они не прибавляют к уже известному по литературе о враге. Да и сама ситуация, когда Сима вдруг, почти в самом конце книги, оказывается на временно оккупированной земле, не очень нужна. Пожалуй, создана она только потому, что автор испугался общности своей героини и решил поставить Симу в романтическое положение. Это вовсе лишнее несоблюдение: на протяжении предыдущих страниц читатель успел достаточно познакомиться с Симой, чтобы убедиться, что она показана там без ложной романтики и без ложных прикрас. В сценах же столкновения Сими с немцами сказались отсутствие у автора нужного жизненного материала. Невольно думаешь, насколько чиста и чутка наша литература, если маленькая фальшь сразу же обнаруживается в ней!

Лев Кассиль. «Великое противостояние». Детгиз, 1947, 418 стр.

Первый Шекспировский ежегодник

Всероссийское театральное общество выпустило в ближайшее время первый «Шекспировский ежегодник», подготовленный к печати Кабинетом Шекспира ВТО.

«Ежегодник» открывается статьей М. Морозова, рассказывающей о связи, существующей между советской наукой о Шекспире и творческой практикой советских театров. В другой статье того же автора исследуется вопрос об основных чертах реализма Шекспира.

В статье В. Кеменина трактуется проблема трагического начала в пьесах Шекспира.

Наглядный и живой раставитель правды русской печати в роли бюстостоя правственности — открытие повествования удивительно!

Комментируя «Мужика Марья», Б. В. Томашевский сообщает читателю, что здесь «поставлен вопрос о значении народных идеалов для русской культуры», по видимому, всерьез полагая, что «народные идеалы» смирения и покорности, которые пропагандирует Достоевский, действительно выражали стремления народных масс России.

Удивительно при этом, что, не уходясь записываясь идейным анализом романа, Томашевский нашел место для того, чтобы подробно процитировать вовсе не существенный отрывок одного второстепенного французского писателя и сослаться на один французский роман, вышедший в 1932 году и связанный с произведением Достоевского только заглавием.

Еще более грубую ошибку, чем Госиздатель, допустил Детгиз, напечатав в «Библиотечке школьника» отрывки из «Братьев Карамазовых» под названием «Мальчики».

Почему уже самая попытка дать юному читателю фрагменты из этого романа. Разговоры мальчиков совершенно непонятны, если читатель не имеет представления об основных идейных и сюжетных коллизиях романа и его центральных образах.

Разумеется, что сущность романа явлено недоступна читателю Детгиза. Тем не менее, А. Слонимский в предисловии пытается сообщить школьнику недостающее ему сведения о романе и об Алексее Карамазове.

А. Слонимский озабочен только одним, как бы представить Алексея Карамазова в роли образца и примера для советского школьника. Он пишет:

«Образ Алексея — один из самых светлых образов, созданных Достоевским. В нем Достоевский выразил свои заветные убеждения — веру в победу правды в человеческих отношениях».

Алексей является сначала в одежде по случаю, то есть будущего монаха, так как собирается поступить в монастырь. Но затем от этого своего намерения он отказывается.

Смысл истории Илюши раскрывается в речи Алексея у камня. «Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдливое!» — так высказывается устами Алексея основная идея эпизода, а вместе с тем и всего романа в целом».

Бедные советские школьники! Прочитав эти строки, они, вероятно, представят себе Алексея Карамазова в образе передового человека, отказавшегося от своих религиозных убеждений, а Достоевского — как проповедника оптимистического и жизнеутверждающего мировоззрения, зовущего к общественной активности...

Издание Детгиза следует признать doubly вредным.

Н. КАЛИТИН

За что же любит В. Панова своих героев?

«Обыкновенная женщина с перманентом, курносенькая, бранилась с матерью, обождала подарки, дилетала девочкой, когда ее слушались...»

Это сказано о жене одного из героев, которая в первые дни войны добровольно ушла на фронт и погибла в первом же бою. Эта коротенькая, подчеркнутая булавочная характеристика в чем-то и как-то перекликается с характеристиками большинства персонажей романа. Не думайте, что перед вами какие-то особенные люди, — говорит Панова каждой строкой своего произведения. — Нет, это самые обычные, простые советские люди, каких тысячи, миллионы, с обычными недостатками и человеческими слабостями. Но это именно они, а не выдуманные рыцари без страха и упрека, своими трудом решали судьбу войны в такой же степени, как решали ее своими боевыми делами их братья и отцы на фронте.

На первом плане для советского человека, — говорит В. Панова каждой строкой своего романа, — его дело, его труд, как частица общественного труда, его место и роль в общей жизни. И чем полнее отдаст он себя своему делу, тем полнее его жизнь, тем лучше он сам. Посмотрите, — приглядывая нас автор, — на моих героев, — и вы увидите, что если и есть в каждом из них что-то плохое, неприглядное, отрицательное, то все это связано, как правило, с чисто личными, не имеющими отношения к нему, как участнику общего дела. В семье, в быту, в коммунальной квартире они могут быть и мелочными, и черствыми, и недальними, — труд же, участие в общем деле окрыляет, поднимает каждого из них, делает героем...

Уже одна попытка построить роман, как повествование о делах и днях простых советских людей, тружеников тыла, заслуживает самого пристального внимания. Подобных попыток не так уж много в нашей литературе. Правильно поступает Панова, подчеркивая в характеристиках героев ту огромную, первоочередную роль, которую играет в жизни советского человека его дело, его труд. Верно и то, что именно в труде, в творческом общении с другими людьми развиваются и укрепляются лучшие свойства человека социалистического общества. Но все дело в том, как художественно раскрываются все эти мысли.

Часто приходится слышать, как упрекают писателя за то, что отрицательные герои у него получаются живыми, а положительные — превращаются в схемы. Этот упрек относится к Пановой, с той только разницей, что он применим к каждому из ее персонажей в отдельности. И дело даже не в том, что «отрицательные» в любом из героев «Кружники» выглядят более убедительно и живо, чем положительные, не в том, что Панова хорошо изображает плохое и плохо хорошее, а в том, что в понятие простой советский человек мы давно уже привыкли вкладывать более

глубокий и значительный смысл, чем в понятие заурядный человек.

Стремясь показать повседневный героизм простых советских людей, автор хочет в первую очередь убедить читателя, что не отдельные скверные черты характера — осуждение в героях романа, а то, чем похожи они друг на друга в своей работе, в отношении к своему трудовому долгу. Но чтобы достигнуть этой цели, писатель должен был, конечно, показать не только и не столько самые дела героев или результаты этих дел, сколько то, что лежит в их основе: побуждения, мысли, стремления, чувства... Мы хотим не только увидеть разницу по своему ритму работу Лидочки или услышать ее «вексельную» фразу: «Знаете, товарищ Грушевой, а решил давать шестьдесят тысяч, хоть это неважно действует на мое самочувствие», — но и почувствовать, что скрывается за этой фразой, что лежит в основе сталовикового труда Лидочки (В. Гоффеншер высказал предположение, — не расчет да, что может ответить на это Панова?). Нам мало услышать, что Листопад хороший директор и что его любят на заводе, нам хочется знать, за что его любят. Мы знаем, что за десять лет пребывания на заводе Нонна полностью овладела профессией конструктора и что ее учитель Владимир Ипполитович не может жить без своей работы, без завода. Но мы хотим знать, что заставило автора увидеть в Нонне типичного молодого советского инженера, и чего больше — сходства или различия между главным конструктором «Кружники» и, скажем, — старым князем Болконским из «Войны и мира». Во всяком случае, по части человечности и патристизма герою Пановой далеко до старика Болконского, хотя своих домашних и тот и другой пилат с одинаковой жестокостью и изобретательностью.

Все эти законные требования читателя остаются неудовлетворенными. Автор, в сущности, лишь называет, но никак не раскрывает те черты своих героев, которые по самому замыслу романа должны быть раскрыты в первую очередь. Пожалуй, только в ночной исповеди Удзичкина слышим мы те слова, узнаем те чувства, которых тешно искали у других персонажей, чувства нашего современника, строителя коммунизма, патриота. И обидно, что единственного носителя этих чувств и стремлений автор сделал особенно нескладным и жалким в личной жизни, несчастным и беспомощным в борьбе с Листопадом.

В. Панова обвиняют в том, что в ее новом романе проблема личного и общего, тема счастья решаются так, как она решалась много лет назад, что в «Кружники» конфликт чувства и долга остается неразрешенным. Это обвинение кажется нам несправедливым. Собственно говоря, Панова предвещает его и заранее отбрасывает следующими словами Карамова: «Также, как Листопад, ничем не жертвую, он за собой и долга-то не числит, он и о долге и со-

думают, он со своей работой слыт органически, чуть ли не физически».

Никакого конфликта между чувством и долгом нет ни у Листопада, полностью отдающего себя заводу, ни у главного конструктора, не желающего иметь детей, потому что они могли бы оторвать у него время, необходимое для работы. Если Клавия, оказавшаяся несчастливой с Листопадом, не поняла этого, — тем хуже для нее. Вот Маргарита Валерьевна это отлично понимает, и Нонна тоже, и не только не сует на Листопада, а, напротив, такой ой ей еще дороже. Но отсутствие противоречия между чувством и долгом у героев Пановой оказывается результатом не богатства, а бедности их внутреннего мира, их духовной жизни. Да, вне его работы, вне его участия в общем деле нет жизни для советского человека, но это умение все подчинить самому основному — своему труду, не превращать его в простой придирак к «рабочему месту», не обделяет его духовно, не исключает для него других интересов. Наоборот, именно приобщение к этим интересам делает его полноценным человеком, гражданином и работником.

Что же мы видим в «Кружники»? Да, Листопад не приносит никаких жертв. Ему не кажется ненормальной его жизнь с Клавией, с которой он с момента знакомства, кажется, всего лишь раз поговорил по душе, — но не потому, что он считает невозможным для себя уделить больше времени жене, а потому, что ему вполне достаточно тех минут близости, которые связывают его с ней и которыми, по видимому, исчерпывается для него представление о семейном счастье. Точно то же и в остальном. Не в том дело, что у Листопада нет времени, чтобы почитать или увлечься дружеской беседой, а в том, что у него просто нет потребности ни в книге, ни в общении с людьми, ни в других интересах культурного человека. И когда мы слышим его вопрос, обращенный к матери: «Вы в театры были хоть раз?», в ответ старой колдуньи: «А вот была, шесть раз была!» — нам, по совети говоря, не так уж легко с уверенностью сказать, кто из двух собеседников более искусен в этой области!

Присмотритесь к главному конструктору и его жене, к Удзичкину. Нонне, — и вы увидите то же самое, ту же ограниченность интересов, духовную бедность. Зачем, для чего это подвигнуто нонноно «вы знаете, я в этом ничего не понимаю» — в ответ на просьбу Андрея посмотреть его картину? Почему право понимать и любить живопись Панова предоставляет только художнику и лишает этого права инженера, почему все ее отвлеченные производственные такие односторонне, узкие, люди? Не в том, конечно, дело, чтобы все Листопад и Нонна обязательно разбирались в живописи и в поэзии, а в том, чтобы уметь их интересоваться не ставилась ли в заслугу, чтобы о ней не говорилось, как о чем-то само собой разумеющемся.

Но не думайте, что мы в открытую дверь! Нам скажут, что Панова вовсе не и не оправдывает таких людей, как Нонна и Листопад, и обвинять ее за это, как это сделал в своей статье А. Ипп, лишь в объективизме, в том, что она только показывает своих героев с разных сторон, предоставляя самому читателю делать оценки. Но, во-первых, читательские оценки оказываются в большинстве случаев не слишком лестными для героев, и тогда встает вопрос, насколько типичны для нашей действительности и Листопад, и Нонна, и Лидочка и кто же противопоставит им в романе (не Рабухин же и не Макаров — образы, очерченные чрезвычайно бледно и схематично). А во-вторых, — о самом характере объективизма В. Пановой.

Справедливые ссылки на образы Марьяны и Удзичкина в подтверждение этого обвинения. Но нельзя сказать того же о большинстве других героев. Сильно и рядом оставался формально объективным, беспристрастным, автор в то же время стремился подсказать читателю оценки, особенно в тех случаях, когда ему хочется выразить свое мнение, прямо противоположное тому, какое направляется на поведение героев. Как бы испугавшись, что отдельные персонажи слишком малопривлекательны, Панова спешит реабилитировать их в глазах читателя. И вот появляется программно-полемическая «исповедь» Листопада, нежданно завершающая роман: и вот нахменная, холодная, сухая Нонна оказывается способной на любовь, одновременно и нежную, и пылкую, и самоотверженную, и чуткую, и вот под влиянием встречи с «красочными» кохобом врач и пошлая Мирзоев собирается отказаться от легкой жизни и идти учиться. Так же мало убедительны и приписывание Листопаду и Удзичкину «отупение грезом», которое за бутылкой водки дает Велеснев Марьянову, и трогательные мысли Лидочки на крыльце, и многое другое.

Панова — писатель, умеющий с подкупающей искренностью рассказывать о тонких и сложных душевных движениях, мастер психологического анализа, выразительный деталей. Все эти свойства ее таланта проявляются и в «Кружники», во главным образом в частностях, в обрисовке отдельных персонажей. Безжалостно изображение таких сцен, как поездка Марьяны и Лукашина за кроваткой, как путешествие мальчишек в деревню и многое другое. В статьях о «Кружники» уже отмечалась удача таких образов, как мать Листопада, Саша Коневский, Анна Ивановна, Толяка. Так же, где он плет от заранее начертанной схемы или стремится к запоздалому оправданию героев, появляется психологическая фальшь, натяжка, поразительно легкое решение жизненных конфликтов, обаяющие образы простого советского человека.

Наступление против прогрессивных элементов Голливуда ведется широким фронтом и разными методами — утонченной инквизицией следственных органов Вашингтона и дубинками голливудской полиции.

Профсоюз строителей кинопромышленности объявил в Голливуде забастовку протеста в связи с увольнением с работы 350 членов этого союза. На зов кинопромышленников явились наряды голливудской полиции, которые начали избивать стачечные пикеты.

Мы публикуем снимок, помещенный в журнале «Лайф»: полиция избивает стачечные пикеты в Голливуде.

Судьба американского писателя

М. МЕНДЕЛЬСОН

Сообщение о том, что американские власти решили посадить в тюрьму прогрессивного романиста Гюарда Фаста вносит еще один штрих — в широкую многогранную картину — в мрачную картину судьбы писателя в Америке. Фаст — далеко не единственный деятель литературы и искусства, против которого ополчились ныне судебные и прочие государственные инстанции США. В американских газетах много пишут о всевозможных репрессиях против прогрессивных киноискусств. Демократическому поэту Дону Уэсту, автору книги стихов, в которых изобличаются изуверские порядки на юге Америки, не столь давно был предан суд. Судебный процесс на огромную сумму — десять тысяч долларов. Оказывается, что своими стихами Уэст «оскорбил чувства» влиятельных жителей штата Джорджия. Одновременно от ректора университета, где Уэст работает преподавателем, потребовали, чтобы он отказал молодому писателю от места, лишил его курса хлеба.

Тюрьма, увольнение, штрафы — эти методы применяются ныне в Америке, чтобы задушить свободное слово. Тюрьма предназначается, конечно, для самых непокорных. Существуют тысячи других способов, при помощи которых американская империалистическая буржуазия кроет, уродует, увечит таланты, толкает писателей на путь пресмыкательства или зажимает им рот. Стремясь сделать художественную литературу своей покорной служанкой, американские реакционеры не скупились на открытые и замаскированные подкупы, открытые и замаскированные репрессии. Для воздействия на писателей они используют в разном виде цензурные ротации, и потоки лживой пропаганды, повсюду извергаемой тысячами газет и журналов.

Полок против литературы и искусства, развернутый в настоящее время в США, немалочислен по масштабам и проводится с особой жестокостью. Гонимые на писателя, связанные с живой жизнью, с интересами простых людей Америки, приняло необычно откровенный характер. Такой глубины морального разложения, такая свойственна современной буржуазной литературе Америки, никогда раньше за океаном не знали.

И все же нужно сказать, что творца свое черное дело в области литературы, американская буржуазия может опираться на обширный положительный опыт подавления творческой деятельности писателей в капиталистической Америке.

Маркс писал: «...капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия». История литературы США ярчайшим образом подтверждает и иллюстрирует это положение.

В ранний период американской истории протестантская буржуазия относилась к художественной литературе с откровенным недоверием. Утвердившись в Америке с захватом пор дух воинствующего буржуазного угнетательства, все же, разумеется, был глубоко враждебен искусству.

Первый крупный американский поэт Филипп Фрэнсис, в годы войны за независимость (в последние четверть XVIII века) воспевавший военные успехи американского народа в борьбе против угнетателей-англичан, после победы стал с трепетом наблюдать, как империалистическая буржуазия устанавливает в новой республике свой порядок. И он с горечью написал о том, что «гражданин века будет неким промислом, что в бедности, притеснении Америки муче вечно делать».

Характерен трагический путь, пройденный видным американским писателем прошлого столетия Германом Мелвиллом. Опубликовав десяток романов и других крупных прозаических произведений, Мелвилл в поисках хлеба вынужден был почти в пятидесятилетнем возрасте выпустить для себя жалкий поэт-таможенник в Нью-Йорке. «Проклятый доллар», по его собственным словам, Мелвилл продал в том же двадцать лет в за эти годы написал лишь две-три книжки стихов, изданных ничтожными тиражами. Только осознание работы в таможене, Мелвилл снова вернулся к активной

творческой деятельности. Безызыскно, что последний роман Мелвилла «Блудный Билл», в котором он выразил свое отрицательное отношение к буржуазному обществу, был впервые опубликован лишь через тридцать с лишним лет после смерти писателя.

Лучшее из того, что создала американская литература, отражала мету народных масс о более справедливой жизни, протест против несправедливости и угнетения.

Крунейшими мастерами американской литературы прошлого века были Уолт Уитман и Марк Твен. В их ранних произведениях воплотились некоторые поэтические стороны американской народной жизни, а отчасти и иллюзии, которые были широко распространены среди американцев. Но даже творчество этих писателей, получивших в Америке наибольшее признание, развивалось в труднейшей обстановке. Недаром Твен и Уитман осуждали условия, в которые поставлена литература на их родине, и в конце концов пришли к весьма отрицательным выводам насчет буржуазных порядков в целом.

Начиная с семидесятых годов прошлого века, Уитман стал понимать, что США — страна, которая «молится на деньги». Он утверждал, что Америка, вопреки его ожиданиям, не создала великого искусства, первоначальной литературы. Характера и личной судьбы Уитмана. Все же он был объектом злобной клеветы. Литературный труд никогда не мог служить для него источником существования. «Даже сегодня, — писал недавно Гюард Фаст, — американские критические журналы полны нападок на Уитмана... ученые исследователи пишут о «сомнительной ценности» его творчества».

Судьбы литературного наследия ряда крунейших писателей США тоже весьма пагубно иллюстрируют враждебную искусству роль американского капиталистического класса. Альберт Пайн в своей официальной биографии Твена ссылается на несколько обмеленных антиимпериалистических статей этого американского классика, написанных им еще в начале века, по так и не опубликованных в свое время. Некоторые из этих материалов (например, статья «Гравитация международная профессия») и по настоящее время известны читателю лишь в отдельных отрывках.

Двадцатый век в Соединенных Штатах дал особенно много примеров высасывания талантов и даже физического уничтожения писателей под предлогом капитализма. О трагической судьбе художника в США повелит миру тридцать крупнейших американских писателей нашего столетия — Драйзер, Лондон, Синклер. Печальная история Мартина Идена, героя одноименного произведения Джека Лондона, судьбы Юджина Витты из романа Драйзера «Гейн» и главного персонажа книги Антона Синклера «Дневник Артура Штернберга» воплощают многое из того, что приходится испытывать писателям буржуазной Америки нашего времени.

Правдивость картин, созданных Драйзером, Лондоном и Синклером, подтверждается их собственными творческими биографиями. Враждебная империалистическая Америка молодого Драйзера, автора романа «Сестра Керри». Эту книгу издательства в течение многих лет не допускали к массовому читателю. Зрелого Драйзера, ставшего участником рабочего движения в Америке, травлили, привлекали к суду, против него организовывали «заговоры молчания». В ряде книг Синклер подробно описал, какие гонения пришлось ему испытывать в стране, где «над писателем шелкает бич хозяина — капитализма». Как известно, Джек Лондон написал ради заработка немало пустых и лживых книг. «Я хотел бы писать настоящие книги, — сказал однажды Лондон во время встречи с Драйзером, — но не могу их продать».

Через полвека после Уитмана Теодор Драйзер с еще большей решительностью говорил о пагубном влиянии буржуазного духа Америки на развитие отечественной литературы. «Богатая земля, — писал он

о своей родине, — беспечные залежи золота, серебра, драгоценных и полезных металлов, а также толпы всех видов... И все же... Художники, поэты, мыслители — где они? Драйзер подчеркивал, что его родина не создала художников, равных, например, Тургеневу и Чехову.

И другие американские писатели наших дней говорили и говорят о судьбах людей искусства в Америке с глубокой болью и тоской.

Чувство трагичности положения простых людей в США, трагичности судьбы художника звучало в словах видного американского писателя Томаса Вулфа о «бездомности» американцев, о «жестокости неба», которое простиралось над ними.

Среди, когда монополистический капитал в Америке хочет сделать всякое печатное слово непосредственным оружием империалистической политики, — условия, в которые поставлена литература в США, несравненно более тяжелы, чем когда бы то ни было. Произведения, выражающие мысли и чувства демократических слоев США, приходится пробиваться к свету, преодолевая огромные и все возрастающие препятствия.

Газета «Нью-Йорк таймс» отмечает в одном из последних номеров, что сегодня «ни один американский журнал» не опубликовал бы статей, критикующих американских магнатов капитала, какие печатались в начале века даже консервативный еженедельник «Атлантик». В начале ноября 1947 года еженедельник «Сатердей ревью» издателем выразил возмущение тем, что в США напечатана издатель, согласившись выпустить в свет «построенный по коммунистическому образцу» новый роман Гюарда Фаста.

Никогда еще литература в Америке не рассматривалась столь откровенно, как средство для выколачивания денег. Редактор продолжал в газете «Нью-Йорк таймс» не может скрыть, что за последние годы «литературная атмосфера» США изменилась к худшему. Теперь в Америке, пишет он, «слишком часто и слишком много интересуются не самой книгой, а тем, сколько экземпляров ее продано» и каких успехов добился автор и издатель при продаже прав на воспроизведение книги в кино, на радио и т. д.

Стелая на вопросы, заданные одним американским журналом, консервативный писатель Марканд привал недавно, что господствующее на американском книжном рынке литературные каноны, а также Голливуд и американское радио, «своих сил стремятся задушить илеп и оригинальность», разлагают писателей морально и губят молодые таланты.

Журнал «Майнстрим», орган прогрессивных литераторов США, отмечает, что писатели Америки не знают теперь «творческой радости», что в современной американской прозе «господствует показ бесмысленного напаста, разложения и смерти». И в самом деле, доминирующая ныне в Америке реакционная, упадочническая литература высасывает уход от действительности, отказ от символических илеп, негативизм, агрессивность, жестокость, ужасы, мистику и порнографию, поставила образцы писатели чудовищных извращений, выходящая отвратительные злобные плаги. Нет ничего неожиданного в том, что некоторые фашиствующие американские литераторы выступают с призывом вовсе уничтожить культуру, искусство. «Долой биографию и историю, библиотечки в музеи, — вопит американский литературный гегемон Гейри Миллер в своей книге «Триггер Рак».

Современные американские империалисты, строя планы экспансии, захватничества, стремятся представить распухшую буржуазную литературу США, как образец для всего мира. В то же время они отказываются от лучших демократических традиций американской литературы и пускают в ход самые грубые, чисто гитлеровские методы удушения народных олеп. Все это делает тем более настоятельной задачей разоблачения подлинной сущности американской реакционной литературы, задачу показа истинного лица американской буржуазии с ее варварским отношением к искусству и литературе.

Издание произведений А. Островского

Б 125-летию со дня рождения А. Островского Гослитиздат выпустил ряд произведений великого драматурга, общий тираж которых превысит миллион экземпляров. Недавно вышел однотомник, содержащий 20 пьес А. Островского, тиражом в 150 тысяч экземпляров. В массовом издании вышли пьесы «Лес» и «Гроза», по 250 тысяч экз. каждая. Готовятся к печати (для массового издания) небольшие сборники пьес Островского и художественное издание пьесы «Снегурочка» с иллюстрациями А. Васнецова. Кроме того, будут изданы сборники статей о великом драматурге — «Островский в русской критике» и сборник воспоминаний о нем.

Пятнадцатая книга альманаха «Дружба народов»

Издательство «Советский писатель» выпустило в свет пятнадцатую книгу альманаха «Дружба народов». В книге помещены роман туркменского писателя Берди Кербабаева «Решающий шаг» (перевод Л. Слетова), стихи Георгия Менюка, Богдана, Истру, Емилиана Букова (Молдавия), Тaira Жарокова, Каликана Бекхожина (Казахстан), Петруса Бровки (Белоруссия), Александра Чака (Латвия), Юлиуса Янониса (Литва), Джоомарта Бонкобаева (Киргизия), Ахмед Ерикеева (Татарская АССР), Чингиза Пындамбаева (Бурят-Монгольская АССР), П. Туласынова (Якутия) и других поэтов.

В разделе «По советским республикам» напечатаны очерки Н. Зелеранского и Р. Хигевича «Путь к вершинам» и В. Жигонича «Смелость» (о Хмельнике).

Раздел «Трибуна писателя» представлен статьями П. Егорова «Судьба и мечты туркменского народа в романе Б. Кербабаева» («Решающий шаг») и М. Малюшевского «О стиле переводов поэм Низами», раздел теории и критики — статьями Б. Яковлева «Торжество учения Ленина» — Сталина о национальной культуре» и Г. Коробейникова «Великий образ». В разделе библиографии помещены историко-библиографический обзор П. Сосновского «Тридцать лет советской многонациональной литературы».

800-летию со дня рождения Низами и 500-летию со дня рождения Навои посвящены статьи Н. Тихонова «Низами и Навои», переводы К. Лисневской из поэмы Низами «Хосров и Ширин» и С. Линкина из поэмы Навои «Семь планет».

Конкурс на короткий рассказ

Редакция журнала «Смена» объявляет с 1 февраля 1948 года по 1 июля 1948 года открытый литературный конкурс на лучший короткий рассказ.

Главной задачей конкурса является отбор лучших рассказов, затрагивающих темы, наиболее актуальные для молодежи: участие советской молодежи в выполнении последнего пятилетнего плана, борьба молодежи и девушек за коммунистическую мораль и этику, воспитание нового социалистического человека, Советская Армия, вопросы семьи, дружбы, любви, жизни советского студента, школы и ремесленных училищ, спорт и т. д.

За лучшие рассказы, отобранные жюри конкурса, устанавливается одна премия в размере 10 тысяч рублей, две премии по 7 тысяч и три премии по 4 тысячи рублей.

Жюри конкурса — редколлегия журнала «Смена»: Н. Асеев, Е. Долматовский, А. Космодемьянский, М. Котов, Н. Жуков, Г. Кулик, В. Лядин, Б. Полевой, А. Суров (председатель жюри).

Рукописи следует направлять в адрес редакции «Смена» (Москва, ул. Правды, д. 24) с пометкой на конверте «На конкурс».

Вечер А. Поповского

В Центральном доме литераторов состоялся вечер А. Поповского в связи с исполнением 50-летия писателя.

На вечере выступили советские ученые: Л. Штерн, Е. Павловский, С. Брайнес, А. В. Вишневский, А. А. Вишневский и С. Каминский. Они приветствовали А. Поповского, как писателя, талантливого популяризирующего в художественной форме достижения советской науки.

Нас поражает в творчестве Поповского, — говорил заслуженный деятель науки А. В. Вишневский, — способность писателя представить трудные вещи в интересной и понятной форме. Это не только важно для ученого, вполне владеющего материалом.

На вечере были оглашены приветствия писателю от научных учреждений и организаций. Теплые приветствия прислали юбиляру акад. Т. Лисенко, Министерство здравоохранения СССР, Главное санитарное управление Советской Армии, президент Белорусской академии наук Н. Грешенков, акад. В. Филатов, акад. К. Быков, ряд научно-исследовательских институтов и другие.

Памяти еврейского классика

В Московском политехническом музее состоялся вечер, посвященный 30-летию со дня смерти основоположника современной еврейской литературы Менделеев-Мойхер-Сфорим (Ш. Я. Абрамович).

Председательствовал на вечере В. Вишневский. В своем вступительном слове он говорил о Менделеев-Мойхер-Сфорим, как об одном из величайших художников прошлого, как о писателе подлинно народном, бесстрашно разоблачавшем пережитки феодального средневековья в еврейском быту и в своем творчестве утверждавшем самые передовые идеалы современности.

Выступившие после В. Вишневского писатели Д. Бергelson и И. Добрушин и народный артист СССР С. Михалков отметили в своих речах близкую связь Менделеев-Мойхер-Сфорим с идеями шестидесятников и огромное влияние на его творчество таких писателей, как Чернышевский, Некрасов, Добролюбов и, в особенности, Салтыков-Шchedrin.

Со стихами, посвященными памяти великого сатирика, выступили поэты Р. Баумвол, И. Боровичев, А. Вергелес, А. Гонтарь, Л. Кантук, А. Куширов, М. Тефр, Я. Штерберг.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Министерство сельского хозяйства СССР организовало в этом году массовое агитационное и агитационное обучение колхозников. Обучение будет проводиться непосредственно в колхозах. В отдельных районах организованы курсы со специальной программой, задачей по различным отраслям сельского хозяйства.

На Ленинградском заводе имени Карла Маркса закончено скоростное проектирование высокопроизводительной текстильной машины — первого в стране кордно-вискозного комбайна.

Памятник городам-героям

Небольшой коллектив художников взял на себя задачу — попытаться создать монумент, посвященный пяти городам-героям: Одессе, Сталинграду, Ленинграду, Севастополю, Москве.

Для этого мы хотим использовать все средства изобразительного искусства: живопись, скульптуру, архитектуру, орнамент и др. Памятник мыслится нами, как пятистенный павильон, оформленный монументальной скульптурой со стеклянным куполом, увенчанным группой «Победа». На наружных стенах здания размещаются мозаичные панно из натурального камня, изображающие важнейшие моменты последнего года Великой Отечественной войны: освобождение славянских стран, занятие ряда городов Германии, победа над японскими захватчиками. Среднее панно, обрамляющее вход в здание, будет изображать падение Берлина. Таким образом, все внешнее оформление павильона-памятника должно говорить о мощи нашей победоносной Советской Армии, стоящей на страже мира.

Внутреннее содержание памятника воссоздает картину героических битв за нашу родину. Мягкий верхний свет стеклянного купола льется в центр зала, оставляя в полумраке пять диорам, посвященных городам-героям. Это, собственно, не в полном смысле слова диорамы. Иллюзорный «натуральный план» заменен в них бронзовыми скульптурами, композиционно связанными с живописным полем картины и архитектурным обрамлением ее. Каждая диорама представляет собой как бы портрет, архитектурно близкий к стилю зданий данного города-героя. Севастополь, например, характеризует арка Графской пристани, Ленинград — фасад Конногвардейского манежа, Москву — здание оперного театра, Сталинград — детали корпусов Сталинградского тракторного завода.

Скульптуры, находящиеся впереди портрета, как бы выводят зрителя в событие, изображенное на живописном поле диорамы. Они освещены спрятанным за архитектурной «рамой» светом, что дает возможность для каждой отдельной диорамы дать собственное характерное освещение.

Так, покидающие Одессу героические моряки, спускаясь по лестнице к морю, освещены «светом молний штормового неба». Солдаты и матросы, штурмующие твердыни Малаховского кургана, залиты золотистым светом севастопольского утра. Хмурое небо морозных сумерек тускло освещает героических ленинградцев, отстающих в родину город.

Юбилейная конференция „Сибирских огней“

Конференция открылась в переполненном зале заседаний филиала Академии наук, в атмосфере глубокого интереса и внимательного новостройки общественности.

Доклад М. Чарова «Тридцать лет советской литературы и наши задачи», доклад С. Кожневикова о работе журнала «Сибирские огни», содоклады А. Смердова о творчестве сибирских поэтов и А. Коптелова о творчестве народов Сибири, содержательные выступления секретаря Обкома ВКП(б) В. Королева вызвали оживленные прения.

Тема современности, отражение последней стальной палитры — таковы были коренные вопросы конференции.

Но мы еще являемся отставшим от движения общего литературного фронта нашей родины. Сибиряки, — говорил в своем докладе редактор журнала тов. С. Кожневикова, — в эти годы войны, на последние не создали ни одного монументального произведения, охватывающего героический опыт советских людей в эпоху величайшего напряжения всех сил. В еще большем долгу перед народом сибирские писатели и наш журнал в отношении художественной разработки темы сегодняшнего дня — темы послевоенной стальной палитры. Здесь у нас только черны на публицистические материалы, а вот романы, повести, поэмы есть. Мы должны признать справедливым упрек, сделанный нам в письме московских писателей в «Литературной газете».

Л. Сейфуллина в своем выступлении верно выразила общее настроение: «Мы сегодня не только отмечаем юбилей, но прежде всего, засучив рукава, работаем. Наш ранее небольшой отряд советских писателей вырос в огромную армию, и перед каждым рядовым этой армии стоят несколько сложные задачи».

Участники конференции говорили о том, что мешает работе журнала и писателей-сибиряков. Т. В. Алексеев (Белово), Б. Расенев (Новосибирск), М. Бударин (Омск), М. Юзвелевич (Барнаул) отметили недостаточный высокий уровень критических статей в «Сибирских огнях».

«КАЛЕВИПОЭГ» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТАРТУ. (От наш. корр.). Состоялась очередная научная сессия отделения общественных наук Академии наук Эстонской ССР. На сессии был подвергнут обсуждению полный поэтический перевод эстонского народного эпоса «Калевипоэг» на русский язык, сделанный В. Державиным и А. Кочетковым.

С докладами выступили звездующий

В жарком пламени горящих цехов беззастенчиво бьются с врагом сталинградцы. Зритель, переходя от диорамы к диораме, как бы сам попадает в самую гущу событий. Диорамы расположены так, что зритель этап за этапом переживает историю грандиознейшей из войн, какие знал мир. Несколько иначе построена диорама «Москва 24 июня 1945 года». Зритель проходит сквозь нее, выходя из павильона. Он как бы идет по Красной площади между мавзолеем Ленина и рядами войск, построенных для парада. Под ногами зрителя — куши знамен гитлеровских черных дивизий, брошенных под ноги советскому народу героями-гвардейцами, разгромившими фашистские полчища.

На трибуне мавзолея бесконечно дорогой народу Сталин — организатор величайшей в истории войн Победы.

Наш коллектив с увлечением и страстью работает над этим памятником. Мы поставили этой работе все свои силы и способности. Сейчас, помимо общих проектов, уже создана диорама «Севастополь 8 мая 1944 г.». Живописное полотно ее экспонируется на Всесоюзной художественной выставке. К сожалению, недостаток выставочного помещения не дал возможности экспонировать диораму целиком.

Мы уверены, что с помощью наших правительственных учреждений, ведающих вопросами искусства, в советской художественной общественности, в первую очередь с помощью Академии художеств, нам удастся создать это нужное стране и истории произведение.

Лауреат Сталинской премии

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ.

НА СНИМКЕ: входной фасад «Памятника городам-героям».

Рассказывая о литературной жизни Красноярска (т. Сарганов) и Иркутска (т. Кунгуров), писатели коснулись вопроса о недопустимости плохой работе сибирской литературы, по вине которой большая часть тиражей книг, издаваемых в Сибири, залеживается в одном городе, а в деревню в совсем не попадает.

Положительная роль, которую сыграл журнал в становлении советской литературы в первые годы ее развития, общезвестна. А. М. Горький откликнулся в «Сибирских огнях» с большой теплотой и вниманием. Но старыми заслугами и старой славою жить нельзя, надо зарабатывать новую. Идет третий год послевоенной стальной палитры, а в журнале не появилось ни одного произведения, которое обогатило бы советскую литературу новыми образами, отражающими наш сегодняшний день.

Думается, одной из причин этой отсталости является бессознательная, несколько даже традиционная любовь к романтике старой, тяжелой, охотничьей, золотозастенчивой Сибири. А ее время уже миновало, пришла новая, социалистическая романтика создания, романтика преобразования человека, его победы над стихией. Следует помнить, что в прежнее непорочную тайну на Оби, Енисее или Ангаре уже проникла лесная промышленность, что охотники и золотопасатели живут законами сталинского времени, социалистического современности. Неумение некоторых сибирских писателей найти эту новую романтику, пропустить торжественный пульс жизни, упорное илечение к отображению картин прошлого (скажем, не в далекие эпохи гражданской войны) приводит нередко к застою, к прямому отрыву писателя от современности.

Только органическая связь с основными идейно-творческими интересами эпохи, лежащими впереди нашу литературу, поможет журналу «Сибирские огни» приобрести нужные авторитет в глазах всей литературной общественности Советского Союза.

Анна КАРАВАЕВА.

КРАТКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Академия педагогических наук РСФСР готовит к изданию «Краткую педагогическую энциклопедию» в двух томах. В ней будут изложены теоретические и практические сведения по всем основным вопросам школьного дела.

Первый том энциклопедии, охватывающий вопросы марксистско-ленинского учения о воспитании, историю педагогических идей с древнейших времен до наших дней, основные этапы развития советской школы и педагогики и т. п., выйдет большим тиражом в ближайшее время.

Ведется работа и над вторым томом энциклопедии, посвященным методике преподавания и воспитанию в начальной и средней школе.

Главный редактор «Краткой педагогической энциклопедии» — министр просвещения РСФСР А. Г. Калинин.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 6-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отделе писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информация — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.